

Нил Ашерсон
Черное море

Neal Ascherson

Black Sea

*The Birthplace
of Civilisation
and Barbarism*

Нил Ашерсон

Черное море

*Колыбель
цивилизации
и варварства*

Перевод с английского
Варвары Бабицкой

издательство АСТ

Москва

УДК 908(4-015)
ББК 63.3(45)
А98

Black Sea was first published by JONATHAN CAPE in 1995. This Folio edition follows the text of the 2007 VINTAGE EDITION, with minor emendations

This edition published by THE FOLIO SOCIETY LTD

Published by arrangement with THE RANDOM HOUSE GROUP LIMITED and FARRAR, STRAUS and GIROUX

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ашерсон, Нил.

А98 Черное море. Колыбель цивилизации и варварства / АШЕРСОН, Нил; пер. с англ. В. БАБИЦКОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-17-093382-2

Книга британского журналиста, специалиста по Восточной Европе и России Нила Ашерсона о Черном море, впервые изданная в 1995 году, посвящена одному из тех мест Земли, которые справедливо именуются "колыбелью цивилизации". Предметом внимания автора стала богатейшая культурная и политическая история черноморского ареала от древности до наших дней, включая события времен распада СССР. История Черного моря не закончена, и книга Ашерсона увлекательно описывает ее самые неожиданные и драматические повороты.

УДК 908 (4-015)
ББК 63.3(45)

ISBN 978-5-17-093382-2

- © Neal Ascherson, 1995, 2007
 - © Neal Ascherson, предисловие, 2015
 - © В. Бабицкая, перевод на русский язык, 2017
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
 - © ООО "Издательство АСТ", 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Благодарности</i>	9
<i>Предисловие</i>	13
Введение.....	25
Глава первая	41
Глава вторая	95
Глава третья	155
Глава четвертая	189
Глава пятая	211
Глава шестая	229
Глава седьмая	289
Глава восьмая	339
Глава девятая	369

Глава десятая	391
Глава одиннадцатая	411
<i>Послесловие</i>	431
<i>Эпилог</i>	435
<i>Хронология</i>	443
<i>Избранная библиография</i>	451
<i>Именной и предметный указатель</i>	457

Моему отцу

Благодарности

Этой книгой я обязан помощи многих людей — и ныне живущих, и покойных. Как я теперь понимаю, ее идея зародилась во мне в шестнадцатилетнем возрасте, когда я впервые прочитал классический труд Михаила Ростовцева об истории Черного моря — “Эллинизм и иранство на юге России”. В то время меня учили латинской и греческой литературе, и я чувствовал, что важно не стать шаблонным “классицистом”. Я пытался найти собственную нишу, из которой я мог бы постичь классический мир не как греко-римлянин — или не как школьник с навязанной поствикторианской версией греко-римского образа мыслей, — но как осведомленный сторонний наблюдатель. Я хотел быть монахом, писавшим стихи на латыни, или грозным скифом, странствующим налегке и нигде не пускающим корней. В любом случае результатом чтения Ростовцева стали своего рода нашествие образов и оккупация моего сознания, от которой я не освободился до сих пор. Большая часть моей жизни миновала прежде, чем я смог выполнить приказ “захватчика”, прежде, чем я смог взойти на курган кочевого царя над устьем Днепра или Дона. И именно Ростовцев был тем, кто изначально отдал мне этот приказ.

Я хотел бы засвидетельствовать свое почтение авторам нескольких других книг, на которые я во многом опирался в некоторых разделах этой. Прежде всего Алану Фишеру (“Крымские татары”) и Патрише Херлай, чья замечательная книга “Одесса: история” стала моим главным источником по истории этого города

в XIX веке. Во многих своих рассуждениях я опираюсь на “Зеркало Геродота” Франсуа Артога в изумительно ясном переводе с французского Джанет Ллойд, то же относится и к книге Эдит Холл “Изобретая варваров”. Мрачная пророческая книга Энтони Пагдена “Столкновения Европы с Новым Светом” помогла мне понять, какое значение имеют путешествия между культурами. Большинство сведений и многие соображения об экологии Черного моря позаимствованы из труда Лоуренса Ми и Дж. Ф. Кадди, которые терпеливо и любезно отвечали на мои расспросы. Во всем, что я писал о национализме, я основывался на размышлениях Тома Нэйрна на эту тему.

Два человека больше всех заслуживают моей благодарности за помощь и поддержку. Мажена Погожалы провела тщательное и безупречно оформленное исследование источников о пребывании Мицкевича в Одессе и в Крыму и о странной идеологии сарматизма, которой была одержима старая польская аристократия. Тома извлечений, которые она оставила мне, сами по себе представляют захватывающее чтение, и я навсегда сохраню благодарность к ней. Профессор Энтони Брайер из Бирмингемского университета привез меня на XVIII Международный конгресс византинистов в Москву в августе 1991 года, благодаря чему я смог стать свидетелем неудавшегося путча (разразившегося через несколько дней после окончания конгресса), который в конце концов уничтожил Советский Союз. Он поделился со мной своими необъятными познаниями в византийской истории, прежде всего об империи Великих Комнинов в Трапезунде, и неустанно снабжал меня идеями и контактами; мои ошибки и превратные суждения об этих материях лежат целиком на моей совести, и я надеюсь, что он простит их мне. Кроме того, я глубоко благодарен Игорю Волкову с кафедры археологии университета Ростова-на-Дону, который показал мне Азов и его музей, снабдил меня специальной литературой по истории низовий Дона и в дальнейшем отвечал на мои вопросы длинными и любезными письмами об истории археологии в Южной России.

Я хотел бы выразить благодарность Анатолию Ильичу Кудренко, директору историко-археологического заповедника “Ольвия”, и особенно Валерию Федоровичу Чесноку, директору музея-

заповедника “Танаис”, который позволил мне остановиться в этом месте, организовал для меня программу посещения и одарил меня своей дружбой и советами. Кроме того, я шлю привет Ирине Толочко и Жене Мальченко, Юре и Володе Гугуевым, Инне Солтыс, которая была моей переводчицей в Одессе и показала мне свой город. Я благодарен профессору Джорджу Хьюитту из лондонской Школы восточных и африканских исследований, чьи рекомендации и знакомства помогли мне посетить и изучить Абхазию, сотрудникам Украинского научного центра экологии моря и Тимоти Тэйлору из Брэдфордского университета, который потратил так много времени, обсуждая со мной сарматов и фракийцев, и снабдил меня копиями собственной работы и труда покойного Тадеуша Сулимирского. Наконец, я хочу поблагодарить Вольфганга Фойрштайна, который принял меня в своем доме в Шварцвальде и так открыто и увлеченно говорил о своей работе в области культуры лазов.

Время от времени я появлялся — измученный, грязный и голодный — на пороге сменявших друг друга московских корреспондентов “Индепендент”, иногда в моменты тяжелых кризисов. Я всегда встречал теплый прием. Невозможно отплатить за доброту Питера Прингла и Элеанор Рэндольф или Эндрю и Марты Хиггинс. Я всегда буду помнить дни и ночи, проведенные у них.

Не было бы никакой книги и не за что было бы благодарить, если бы не терпение, поддержка и снисходительность моей жены Изабель Хилтон, которая мирилась с прерванными отпусками и одинокими выходными на протяжении нескольких лет. Я надеюсь только на то, что эта книга хотя бы отчасти компенсирует все эти лишения.

Предисловие

За годы, прошедшие с момента публикации этой книги, Черноморский регион превратился для всего мира в предмет постоянно-го беспокойства. Если в первые полтора десятилетия после распада Советского Союза в 1991 году новообразованные государственные границы оставались неизменными, а правительства большинства приморских стран были заняты внутренней борьбой за установление собственной власти и обуздание экономического хаоса, то в начале XXI века новые фронтиры Черного моря почти без предупреждения стали менять очертания с началом очередной эпохи политических катаклизмов.

Внимание всего мира было приковано к четырем драматическим государственным переворотам и двум маленьким войнам, произошедшим вокруг Черного моря. Грузинская “революция роз” в 2004 году и украинская “оранжевая революция” годом позже были почти бескровными. Так же как и огромная, но безуспешная волна антиправительственных протестов, которая захлестнула Стамбул и другие турецкие города в 2013 году. В 2008 году российская армия начала карательную операцию в Грузии, а кровопролитие в ходе второй украинской революции в 2014-м повлекло за собой подрывные действия со стороны России, аннексию Крыма и восстание в городах юго-восточной части Украины при российской поддержке.

Первый конфликт с Россией начался в августе 2008 года, когда президент Саакашвили импульсивно напал на Южную Осетию и был немедленно отброшен массированным контрударом

со стороны России. Танки двинулись вглубь грузинской территории. Тысячи грузин покинули свои дома; разбомбили город Гори (родину Сталина). Перед отходом русские методично уничтожили все военные базы и технику, которые они обнаружили в Западной Грузии.

В течение нескольких недель к Грузии были прикованы взгляды всего мира. Почти сразу же после прекращения огня Россия признала суверенную независимость Южной Осетии и Абхазии. Хотя оба этих крошечных региона вышли из состава Грузии почти двадцатью годами ранее, и США, и НАТО, и Европейский союз осудили признание их статуса как нарушение “территориальной целостности” Грузии.

Вторая украинская революция началась в ноябре 2013 года, когда президент Янукович, уступив российскому давлению, отказался подписать соглашение об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. После многомесячных демонстраций, центром которых стал киевский “майдан”, дело дошло до стрельбы, и в феврале 2014 года президент бежал из страны. К власти пришло временное правительство, но российский президент Путин осудил новое положение вещей как незаконный государственный переворот. Многие русскоязычные украинцы на востоке Украины разделяли его точку зрения и объявили новый киевский режим “фашистским”. В феврале 2014 года, после побега Януковича, вооруженные ополченцы, действовавшие по указке Путина и утверждавшие, что они выступают от имени русского большинства жителей Крыма, захватили контроль над полуостровом, на котором по-прежнему располагалась черноморская военно-морская база России — Севастополь.

Несколько недель спустя Крым был аннексирован (“восстановлен” в составе Российской Федерации) под ликующие патриотические возгласы из Москвы. Пророссийские восстания вспыхнули также в крупных городах Восточной Украины, это повлекло за собой продолжительную и кровопролитную борьбу с силами нового киевского правительства.

Зато Запад признал украинское правительство, и в июне 2014 года Евросоюз предоставил Украине, Грузии и Молдове соглашения об ассоциации. Это обострило соперничество между

Россией и Западом в Черноморском регионе — соперничество, которое нарастало в течение долгого времени и первоначально, до грузинских и украинских потрясений, было вызвано российско-американской конкуренцией за контроль над каспийскими нефтью и газом.

Движущей силой, которая стоит за всеми этими конфликтами и вспышками напряженности, стал проект президента Владимира Путина возродить Россию как старую добрую “великую державу”, контролирующую внешние отношения своих соседей и требующую страха и уважения со стороны внешнего мира. Однако Запад решил интерпретировать этот проект как программу фактического восстановления зоны влияния бывшего Советского Союза и отвечает на это постоянным распространением своего влияния на востоке, на Черном море, силами НАТО и Европейского союза. И вторжение России в Грузию, и ее вопиющая (но упорно отрицаемая) военная поддержка украинских повстанцев стали реакцией на очевидное расширение этого влияния.

Сегодня ни один европейский или американский лидер не может считать Черное море периферийным. С политической точки зрения оно стало опасной зоной, в которой вырабатываются будущие отношения между Россией с Западом — Европейским союзом, НАТО и США. В экономическом смысле Черное море и Южный Кавказ стали той точкой, в которой Россия и Запад борются за контроль над трубопроводами и маршрутами танкеров, поставляющих нефть и газ из Каспийского региона.

Еще до начала войны на Украине по поводу Черного моря собирали тревожные конференции, разрабатывали “планы действий” и “политику сосуществования”. Большинство этих мер принималось по инициативе Евросоюза или по крайней мере при поддержке с его стороны. Вступление Польши в ЕС в 2004 году означало, что независимая Украина — исторически самая близкая соседка Польши — внезапно стала темой и практически незримым участником любых обсуждений в Брюсселе. А в январе 2007 года два черноморских государства, Румыния и Болгария, стали, как и Польша, полноправными членами ЕС.

После их присоединения Евросоюз насчитывает уже в общей сложности двадцать семь государств. За этим последовал перерыв,

в течение которого ЕС, как насытившийся питон, пытался переварить внезапное и огромное расширение, произошедшее после 2004 года. Но в некоторых других отношениях это был горестный период. Мировой финансовый крах 2007–2008 годов расстроил равновесие шаткой, ненадежной архитектуры еврозоны и поставил некоторых недальновидных ее членов на грань разорения. В то же время в течение нескольких лет после присоединения Румынии и Болгарии оказалось, что в этих странах по-прежнему процветают коррупция, нарушения прав человека и мафиозное влияние (клетократия), которые должны были быть устранены до момента их вступления в ЕС в 2007 году.

В свете всего вышеперечисленного становится понятно, почему любое предложение о дальнейшем расширении заставляет европейцев содрогнуться. Именно с этим связаны бесконечные отсрочки в вопросе предоставления полного членства в Евросоюзе еще двум черноморским государствам — Турции и Украине. Еще одним фактором, сдерживающим политику ЕС в отношении Украины и (в особенности) Грузии, стала нерешительность Евросоюза в отношениях с Россией. ЕС стремится наладить эти отношения снова, хочет любви и уважения от Москвы. Но в то же время он, подражая США, осуждает прискорбное состояние гражданских свобод в современной России, вслух порицает интервенцию России в Крыму и Восточной Украине и сетует по поводу “российской оккупации суверенной территории Грузии” (то есть признания независимости Абхазии и Южной Осетии). Этот конфликт целей парализует “добрососедские” инициативы ЕС в Черноморском регионе.

Когда я начинал писать “Черное море”, Восточная Европа и Западная Евразия переживали апокалиптические времена. Советский Союз развалился, в результате произошел промышленный и финансовый крах почти в каждом углу огромной территории, на которой некогда царила плановая экономика. Каждый черноморский город от Болгарии до Грузии окружило ржавое кольцо заброшенных заводов. В то же время стали вскрываться кладбища истории — угнетенные народы стали повсеместно воскресать

из мертвых, чтобы утвердить свою идентичность и свое право на суверенитет. Это они неизменно делали, апеллируя к прошлому, а часто и придумывая его.

Сегодня там наблюдается хаотический, но впечатляющий экономический подъем. В городах снова расцвел малый бизнес; там, где когда-то стояли старые заводы, в огороженных и охраняемых коттеджных поселках живет новый богатый класс, который разросся и стал намного шире, чем прежняя кучка криминальных олигархов.

Сейчас невозможно вернуться к той утерянной тяжелой промышленности, так же как и к тем щедро финансировавшимся институтам океанографических исследований, которые когда-то усеивали советские берега Черного моря. Тем не менее само море, как и экономика вокруг него, постепенно восстанавливается. В середине 1990-х годов казалось, что загрязнение окружающей среды, истощение рыбных запасов и атака новых инвазивных видов вот-вот разрушат экосистему и приведут к появлению первого в мире безжизненного моря. Однако сегодня, благодаря действиям международного сообщества и непредсказуемым естественным причинам, рыбные запасы снова увеличиваются, а качество воды улучшается.

На берегу до сих пор открываются могилы. Политика идентичности и историческое мифотворчество по-прежнему бурлят по всему региону. Интенсивное брожение происходит в разделенной Украине, но наиболее опасное — на Северном Кавказе, в границах Российской Федерации. Сюда под знамена незавершенной, все более беспощадной борьбы стекаются местные националисты, ведущие крестовый поход ради этнической мести, отряды боевиков, мобилизованные конкурирующими криминальными авторитетами, и джихадистские террористы-смертники. Иногда жертвами становятся соседние сообщества, иногда — местные политики и чиновники. Но все чаще мишенью становятся русские. Почти каждую неделю появляются новости о террористических актах в российских городах, часто и в самой Москве.

Эти крошечные самоуправляющиеся республики конкурируют между собой не только путем насилия. Конкуренция развивается на культурном, историческом, часто даже археологическом поле.

Каждый свирепый маленький горный народ переписывает свой учебник истории как манифест, направленный против соседей: “Мы и только мы принесли вам грамотность и культуру две тысячи лет назад, в наш Золотой век”. Создание таких учебников, каждый из которых пишется на местном языке и по большей части заключает в себе художественный вымысел, представляет собой постоянно растущую профессиональную отрасль для адыгской и осетинской интеллигенции. Российское правительство пошло на огромный риск, приняв зимнюю Олимпиаду 2014 года в Красной Поляне, которая имеет символическое значение как место, где русские войска торжественно отмечали покорение Кавказа 150 лет назад.

На Украине, где на момент написания этих строк по-прежнему идет война, нет согласия ни относительно прошлого, ни относительно будущего. Во время “оранжевой революции” молодые демонстранты кричали: “Мы просто хотим жить в нормальной европейской стране”. Но, что следует понимать под “нормальностью”, украинцам еще только предстоит решить, путем переговоров или с оружием в руках: замешанный на истории “романтический” национализм Западной Украины с его упором на язык и культуру или урбанистическое мировоззрение русскоязычного индустриального востока.

Неглубокие могилы вскрываются и в Грузии. Это не просто проблема “внешних” конфликтов, имеющих националистическое измерение, то есть независимость Абхазии и Южной Осетии. Существует и внутренняя напряженность, поскольку усиливаются трения между центральным правительством в Тбилиси и некоторыми областями, которые населяют “меньшинства”. В частности, армянское меньшинство, сосредоточенное в регионе Джавахети, чувствует культурное и экономическое давление со стороны Тбилиси. Недавние реформы в сфере образования, согласно которым письменные и устные экзамены должны теперь держаться на грузинском языке, были восприняты как дискриминация армянских студентов. Их возмущает, что они должны знать грузинский язык, чтобы получить высшее образование или занять государственную должность.

Все это — часть гораздо более широкой культурной болезни, которая затрагивает не только Кавказ, но и Черноморский ре-

гион в целом, за исключением территории Российской Федерации. Русский язык, преподававшийся во всех школах Советского Союза, стал континентальным языком межэтнического общения, повсеместно объединив этническое большинство и меньшинства чем-то вроде общей культуры. Теперь, после распада СССР в 1991 году, преподавание русского языка перестало быть принудительным на постсоветском пространстве и часто вообще не входит в школьную программу. Молодые армяне, грузины или абхазы, которые во время распада Советского Союза были в лучшем случае младенцами, не могут общаться со своими соседями так, как это делали их русскоговорящие родители. В их распоряжении только собственные языки и, возможно, несколько фраз на американском английском. В эпоху политики идентичности эта утрата всеобщего языка — духовное увечье и дурное предзнаменование.

В книге я провожу мысль о том, что Черное море — его народы и прибрежные регионы, его рыба, его воды и его безмерно глубокая история — это единый культурный ландшафт. Ни одна часть этого ландшафта не имеет смысла в отрыве от других. Однако самая существенная особенность Черного моря состоит в непрерывном изменении всех его частей. Это место никогда не было застывшим, “вечным”. Его народы находились в движении по крайней мере пять тысяч лет. И точно так же, в состоянии непрерывной адаптации, жили и существа, населяющие воды Черного моря, так как климат и речные потоки колеблются, а чужеродные виды вторгаются в море и разрушают один естественный баланс за другим. За годы, прошедшие с момента написания этой книги, внутри и вокруг Черного моря продолжались человеческая миграция и экологические изменения, которых не предвидели ни политики, ни биологи, ни писатели.

Нил Ашерсон,
июнь 2015 года

Черное море

*Колыбель цивилизации
и варварства*

Введение

Я должен признаться, что я могу с таким же увлечением читать <...>, как и пересыпать в ладонях морской песок, отдыхая при этом всем существом и чувствуя, как ветер время от времени ласково похлопывает меня своими прохладными, сырыми ладонями по щекам. Он как бы радуется, что на пустынном пляже — вплоть до туманно-синеватых мысов, как бы сосущих на горизонте, как медведи, морскую воду, — нет ни одного человека, кроме меня.

Пусть весь день на береговых обрывах шелестит твердая трава. Этот нежный шелест — необъятно старый — слышится на этих побережьях из века в век и приближает нас к мудрости и простоте.

Константин Паустовский
Время больших ожиданий

В те [гомеровские] времена это море было недоступно для плавания и называлось Аксинским [то есть “негостеприимным”] из-за зимних бурь и дикости окрестных племен, особенно скифов, так как последние приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков. Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо Евксинским [“гостеприимным”].

СТРАБОН
География¹

1 Перевод Г. А. Стратановского.

В один прекрасный день в начале 1680 года молодой итальянец по имени Луиджи Фердинандо Марсильи стоял на палубе корабля, бросившего якорь посередине Босфора, и опускал за борт бечевку с грузом.

Все мореплаватели с незапамятных времен знали, что в Черном море берет начало течение, которое ведет через Босфор на запад, проходя насквозь Мраморное море и пролив Дарданеллы и заканчиваясь в Средиземном море. В III в. до н. э. Аполлоний Родосский поведал о том, как Ясон и аргонавты с трудом вели свое судно на восток против течения, чтобы достичь Черного моря через “Босфор водоворотный”, где: “Наподобье скалы высокой вздымается кверху / Перед тобою волна, на тебя словно броситься хочет, / Вздыбившись до облаков <...> волна нависает / Над серединой ладьи”¹. То же течение тащило теперь к далекому Средиземному морю корабль Марсильи, рвущийся с якоря.

Марсильи привязал к бечевке через равные промежутки белые пробковые поплавки. Поначалу, разматывая бечеву, он видел, как поплавки движутся назад, к корме, медленно относимые

1 Аполлоний Родосский. *Аргонавтика* / Пер. Г. Ф. Церетели.

течением из Черного моря. Но затем, пристально вглядываясь через борт, Марсильи увидел именно то, что надеялся увидеть.

Нижние поплавки, мерцающие глубоко под водой, начали обратное движение. Очень медленно, один за другим, они меняли направление, пока не оказались под носом корабля; вся бечева с грузом приняла форму дуги, стремясь на запад около поверхности, а затем на большей глубине округло изгибаясь, чтобы указать на восток. Теперь он знал: в Босфорском проливе было два течения, а не одно. Было верхнее течение, но было и другое — более глубокое — противоположное течение из Средиземного моря в Черное.

Марсильи исполнился всего 21 год, впереди у него была долгая жизнь, плодотворная и полная приключений. Он ненадолго попал в плен к татарам под Веной, служил офицером в армии Габсбургов на Дунае, а позднее основал первый европейский океанографический научно-исследовательский центр в Кассисе, Южная Франция. Но ни одно из его позднейших достижений не имело такого значения, как открытие подводного течения в Босфоре. В отношении методологии и последствий оно стало вехой в новой науке о море. Кроме того, оно стало первым шагом в изучении Черного моря как такового: не как кольца берегов, населенных какими-то странными людьми, а как водоема.

Почти в каждом открытии есть элемент эффектной подачи. Подводное течение (*Corrente Sottano*, как назвал его Марсильи) уже было известно тем, кто добывал себе пропитание в водах Босфора, и Марсильи благородно это признал. В первом отчете о своем достижении он писал: “Своими догадками я обязан не только собственным размышлениям, но и отчетам многих турецких рыбаков и прежде всего убеждениям сеньора кавалера Финча [сэра Джона Финча], посла Его Величества короля Англии в Порте и великого естествоиспытателя: ему первому открыл эту мысль капитан одного из его судов, который сам

не мог прийти к каким-либо определенным выводам путем эксперимента, вероятно, за неимением времени”.

Настоящую славу Марсильи принес способ, которым он выполнил и подтвердил свой первоначальный эксперимент. Измерив глубину лотом, он взял пробы воды на разной глубине и смог показать, что вода глубинного течения более плотная и соленая, чем в верхнем течении, бегущем из Черного моря. Затем он сконструировал демонстрационный прибор: резервуар для воды, разделенный по вертикали и наполненный с одной стороны подкрашенной морской водой с большим содержанием соли, а с другой — водой менее соленой. Открывая люк в перегородке резервуара, он давал двум образцам смешаться, пока подкрашенная морская вода не образовывала видимый слой на дне. Попутно Марсильи, не совсем понимая значения своего открытия, обнаружил один из основных фактов океанографии: течения эти порождает не гравитация, как, например, течение рек, а другие силы, в том числе принципы механики жидкости, в данном случае — гидравлический градиент. Движение более тяжелой средиземноморской воды в Черное море выталкивало более легкую воду в противоположном направлении.

Вслед за Марсильи и другие ученые, по большей части русские, начали изучать диковинную и труднодостижимую природу Черного моря. Марсильи показал, что вода в нем менее соленая и плотная, чем средиземноморская, и разрешил загадку, отчего береговой уровень воды не падает, невзирая на ее отток через Босфор. Но только гораздо позднее другим удалось обнаружить то главное свойство Черного моря, которое отличает его от всех прочих морей: оно почти целиком мертво.

На страницах атласа Черное море выглядит как водоем в форме человеческой почки, соединенный с внешними океанами тонкими, как нить, проливами Босфор и Дарданеллы. И все же

это море, а не пресноводное озеро: соленая водная масса шириной около 1150 км с востока на запад и 580 км с севера на юг, за исключением “талии”, где выступающий полуостров Крым сужает расстояние между крымским побережьем и Турцией до 300 км. Черное море глубоко, местами его глубина достигает более 2200 м. Но на северо-восточном его окончании есть широкий мелководный шельф у того участка побережья, который тянется по кругу с запада на север, от дельты Дуная в Румынии до Крыма. Этот шельф, менее ста метров глубиной, был нерестилищем для многих видов черноморских рыб.

Если путешествовать по часовой стрелке вокруг моря, начиная от Босфора, видно, что болгарское и румынское побережье лежит низко, как и большая часть украинской береговой линии. Далее возвышаются утесы Крымских гор. Восточное и южное побережье (Абхазия, Грузия и Турция) в основном гористое, кое-где оно окаймлено узкой прибрежной равниной, а кое-где — например, в Северо-Восточной Турции — круто спускается к Черному морю лесистыми горными краями и ущельями.

Но главное, что определяет Черное море, — это реки. В Средиземное море, гораздо большее по размеру, впадает всего три реки: Рона, Нил и По. Черное море принимает пять: Кубань, Дон, Днепр, Днестр и, прежде всего, Дунай, чей бассейн тянется через всю Восточную и Центральную Европу, почти достигая границ Франции. Один только Дунай вливает в Черное море по 203 куб. км пресной воды в год: это больше, чем все реки, впадающие в Северное море.

Именно эти реки, богатейший источник жизни, за десятки тысяч лет истребили жизнь в глубинах Черного моря. Приток речной органики был слишком силен для морских бактерий, которые обычно ее разлагают. Бактерии питаются, окисляя питательные вещества, и для этого используют растворенный кислород, как правило, присутствующий в морской воде. Но когда

поступление органики так велико, что запас растворенного кислорода истощается, бактерии прибегают к другому биохимическому процессу: они изымают кислород из ионов серы, которые входят в состав морской воды, при этом выделяется остаточный газ — сероводород, или H_2S .

Это одно из самых смертоносных веществ в природе. Одного вдоха чистого сероводорода достаточно, чтобы убить человека. Об этом хорошо знают нефтяники, которые спасаются бегством, как только почувствуют вонь тухлого яйца. И правильно делают: сероводород почти мгновенно уничтожает обоняние, поэтому после первого вдоха уже невозможно понять, продолжаешь ли ты его вдыхать.

Черное море представляет собой самую большую в мире залежь сероводорода. На глубине ниже 150–200 метров в нем нет жизни. Вода там аноксична, то есть не содержит растворенного кислорода, и насыщена H_2S ; поскольку Черное море по большей части глубоко, это значит, что на 90 процентов своего объема оно стерильно. Это не единственное место в океане, где скапливается сероводород: аноксичные зоны есть на дне Балтийского моря и некоторых норвежских фьордов, в которых слаба циркуляция воды. У побережья Перу сероводород иногда поднимается, вскипая, из глубины на поверхность: в ходе этого периодического стихийного бедствия под названием “эль-ниньо” он убивает всю экосистему, уничтожая прибрежный рыбный промысел и вступая в реакцию с краской на днищах кораблей, которые от этого чернеют (так называемый эффект *Callao Painter*). Однако глубины Черного моря — самый большой массив безжизненной воды в мире.

И тем не менее до последнего Черное море казалось людям источником почти чудовищного изобилия. Ядовитая тьма лежала глубоко внизу, неведомая никому. Выше сотой изобаты — галоклина (то есть скачка солености) или нижней границы кислородной зоны — море кипело жизнью. Лосось и гигантский

осетр — белуга, которая может достигать длины и веса маленького кита, — так и кишели в больших реках, где они нерестились: икра водилась в таком изобилии, что в Византии XIV века она была пищей бедняков¹. Вдоль берегов и на северо-западном мелководном шельфе Черного моря водились камбала, шпроты, бычки, скаты, кефаль и хек, большинство из них питалось подводными зарослями морской травы — зостеры².

На другом конце полуострова Крым, в далеком северо-восточном углу Черного моря, находится Азовское море, похожее на него в миниатюре и так же соединенное с более крупным водоемом узким каналом — Керченским проливом. В этом маленьком море, мелком и со всех сторон окруженном сушей, на протяжении всех 200 км от Керченского пролива до болотистого устья Дона когда-то обитало более ста видов рыб. Во время каждого разлива дельта Дона затопляет километры камыша и солончаков, создавая нерестилище для жирной речной рыбы, которую можно было ловить возами. Миллионы морских рыб, мигрирующих в места нереста, устремлялись через Босфор к Стамбулу или через Керченский пролив в Азовское море. Рыбная ловля не требовала больших усилий: достаточно было высунуть сачок в окно, выходящее на море. Страбон писал, что в бухте Золотой Рог (залив Босфора, доходящий до стен Стамбула) пелагиду можно было вытаскивать из воды голыми руками.

А в открытом море, между стаями дельфинов и морских свиной, два вида рыб медленно мигрировали по кругу, и движение их было регулярным, как расписание отправления ко-

1 Как пишет профессор Петер Шрайнер из Кёльна, специалист по питанию в Византии, сельскохозяйственный рабочий со средним заработком мог заработать на 45-килограммовую бочку икры всего за 15 дней. Профессор Шрайнер отмечает, что сегодняшнему немецкому сельскохозяйственному рабочему пришлось бы потратить на такую бочку весь свой заработок за 18 месяцев.

2 Иначе взморника. — *Прим. пер.*

раблей. Одним из этих видов была бонито (пелагида), рыба из семейства скумбриевых, которая имела такое промысловое значение, что ее изображение мы находим на византийских монетах. Другим видом была хамса, или черноморский анчоус.

Горстка хамсы, оставшаяся от прежних полчищ, по сей день мечет икру в Одесском заливе весь июль и большую часть августа и отправляется по своему обычному маршруту, пролегающему вокруг моря против часовой стрелки, в период между последней неделей августа и началом сентября. Преодолевая примерно 20 км в день, косяки хамсы, биомасса которых даже сегодня достигает 20 000 тонн каждый, минуют дельту Дуная, движутся вдоль берегов Румынии и Болгарии, а затем поворачивают на восток вдоль анатолийского побережья Турции. В первых числах ноября косяки находятся на полпути между Стамбулом и Синопом, который расположен в нескольких сотнях километров к востоку от него. К тому времени, когда рыба входит в промысловую зону города Трабзон (Трапезунд), она уже выросла, набрала вес и движется медленнее, более кучно. Наконец, к январю хамса оказывается у юго-восточной оконечности Черного моря, примерно в районе Батуми, и там разделяется: часть направляется к северу вдоль берегов Грузии и Абхазии, обратно к своей отправной точке, часть возвращается к Синопу и оттуда срезает путь напрямую через центральную часть Черного моря в Одесский залив. По одной из оценок биомассы хамсы, сделанной до катастрофического перелома 1980-х, который поставил многие виды на грань исчезновения, такое ежегодное круговое паломничество совершал приблизительно миллион тонн хамсы.

Черное море обязано своей историей рыбе. Были, разумеется, и другие факторы, то есть другие богатые источники пропитания и процветания. Например, равнины Южной России, так называемые черноморские степи, которые тянутся почти на полторы тысячи километров от Волги до подножия

Карпатских гор на западе, — полоса открытой местности шириной примерно в 300 км, простирающаяся между морским побережьем и лесистой местностью на севере. Пастбища черноморских степей могли прокормить лошадей и скот целого кочевого народа; позднее лучшие их земли были возделаны и родили пшеницу, лучше которой мир не знал до колонизации Северной Америки. В горах Кавказа, чьи заснеженные вершины были видны издалека из открытого моря, были и лес, и золото. В дельтах рек гнездились съедобные птицы, во время миграции все небо было черно от их стай. Но среди всего этого, с виду бесконечного изобилия жизни рыба играла главную роль.

Плавание “Арго” — легенда бронзового века. Когда Ясон пересек Черное море, направил свой корабль вверх по реке Фазис в Колхиду (часть современной Грузии) и пришвартовался к прибрежным деревьям, он хотел добыть волшебное сокровище — золотое руно Колхиды. Но золото — удел героев. Вдоль всего Черного моря прибрежные землечерпалки поднимают с морского дна большие камни с отверстиями: якоря микенских кораблей. На них путешествовали в бронзовом веке реальные искатели приключений, которые везли с собой из Эгейского моря товары — предметы роскоши, например расписную керамику и богато отделанные мечи. Но главная их цель была в том, чтобы привезти домой еду, и увозили они, по всей видимости, в основном вяленую и соленую рыбу из дельт Днепра и Дуная. Когда микенские царства пали и на смену им пришли маленькие, голодные города-государства, ютившиеся на греческих и ионийских мысах, корабли вернулись в Черное море за той же нуждой, которая становилась все отчаяннее, по мере того как население городов-государств росло, а их скудные пахотные земли истощались из-за чрезмерной эксплуатации. К VII в. до н. э. ионийские греки основали прибрежные колонии вокруг всего Черного моря, и основным занятием этих поселений были заготовка, консервирование и экспорт рыбы.